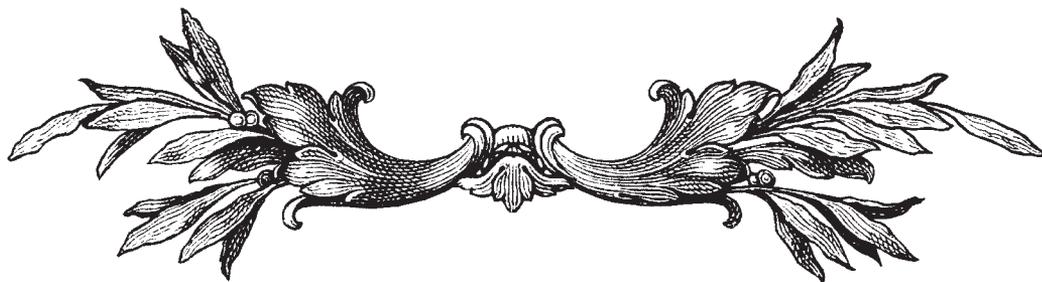
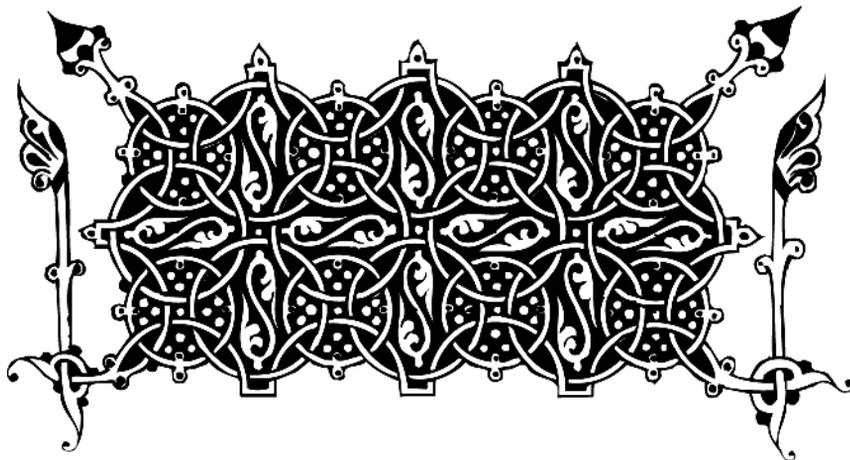

*Российская Империя —
мощный сгусток времени и пространства,
ставший яркой страницей мировой истории.
Грандиозная эпоха оставила после себя
великое духовное наследие,
огромную библиотеку,
где собраны выдающиеся образцы
отечественной мысли и словесности.
«Российская императорская библиотека» —
это лучшие книги великой страны,
свидетельства державных деятелей,
историков, ученых
о государственном строительстве
и разрушительных революционных вихрях
ратных подвигах и дворцовых интригах,
преобразователях и временичниках,
создателях и стяжателях,
многовековых народных обычаях
и трехсотлетней истории
Дома Романовых*

ЧАСТЬ I

КОЛОНИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Обширная восточноевропейская равнина, на которой образовалось русское государство, в начале нашей истории не является на всем своем пространстве заселенной тем народом, который доселе делает ее историю. Наша история открывается тем явлением, что восточная ветвь славянства, потом разросшаяся в русский народ, вступает на Русскую равнину из одного ее угла, с юго-запада, со склонов Карпат. В продолжение многих веков этого славянского населения было далеко не достаточно, чтобы сплошь с некоторой равномерностью занять всю равнину. Притом по условиям своей исторической жизни и географической обстановки оно распространялось по равнине не постепенно путем зарождения, не *расселяясь, а переселяясь*, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые. При каждом таком передвижении оно становилось под действие новых условий, вытекавших как из физических особенностей новозанятого края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер.

История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней. Оно усилилось с отменой крепостного права, когда начался отлив населения из центральных черноземных губерний, где оно долго искусственно сгущалось и насильственно задерживалось. Отсюда население пошло разносторонними струями в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и далее

за Каспийское море, особенно за Урал в Сибирь, до берегов Тихого океана. Во второй половине XIX в., когда только начиналась русская колонизация Туркестана, там водворилось уже свыше 200 тысяч русских и в том числе около 100 тысяч образовали до 150 сельских поселений, составившихся из крестьян-переселенцев и местами представляющих значительные острова почти сплошного земледельческого населения. Еще напряженнее переселенческий поток в Сибирь. Официально известно, что ежегодное число переселенцев в Сибирь, до 1880-х годов не превышавшее 2 тысяч человек, а в начале последнего десятилетия прошлого века достигшее до 50 тысяч, с 1896 г. благодаря Сибирской железной дороге возросло до 200 тысяч человек, а за два с половиной года (с 1907 по июль 1909 г.) в Сибирь прошло около 2 миллионов переселенцев. Все это движение, идущее преимущественно из центральных черноземных губерний Европейской России, при ежегодном полутора-миллионном приросте ее населения пока еще кажется малозначительным, не дает себя чувствовать ощутительными толчками; но со временем оно неминуемо отзовется на общем положении дел немаловажными последствиями.

Периоды русской истории как главные моменты колонизации. Так переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты. Остановимся пока на самом факте, не касаясь его происхождения. Он и ставил русское население в своеобразное отношение к стране, изменявшееся в течение веков и своим изменением вызывавшее смену форм общежития...

И. Ижакевич. Поход Ермака в Сибирь

Я делю нашу историю на отдели или периоды по наблюдаемому в ней народному передвижению. Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры, когда, наконец, он посредством естественного нарождения и поглощения встречных инородцев распространился по всей равнине и даже перешел за ее пределы. Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине и на каждой из которых наше общежитие устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке. Я перечислю эти периоды, указывая в каждом из них господствующие факты, из коих один — политический, другой — экономический, и обозначая при этом ту область равнины, на которой в данный период сосредоточивалась масса русского населения — не все население, а главная масса его, делавшая историю.

Приблизительно с VIII в. нашей эры, не раньше, можем мы следить с некоторой уверенностью за постепенным ростом нашего народа, наблюдать внешнюю обстановку и внутреннее строение его жизни в пределах равнины. Итак, с VIII до XIII в. масса русского населения сосредоточивалась на среднем и верхнем Днепре с его притоками и с его историческим водным продолжением — линией Ловать — Волхов. Все это время Русь политически разбита на отдельные более или менее обособленные области, в каждой из которых политическим и хозяйственным центром является большой торговый город, первый устроитель и руководитель ее политического быта, потом встретивший соперника в прошлом князе, но

и при нем не терявший важного значения. Господствующий политический факт периода — политическое дробление земли под руководством городов. Господствующим фактом экономической жизни в этот период является внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством (лесным пчеловодством). Это Русь *Днепровская, городовая, торговая*.

С XIII до середины XV в. приблизительно среди общего разброда и разрыва народности главная масса русского населения является на верхней Волге с ее притоками. Эта масса остается раздробленной политически уже не на городские области, а на княжеские уделы. Удел — это совсем другая форма политического быта. Господствующий политический факт периода — удельное дробление верхневолжской Руси под властью князей. Господствующим фактом экономической жизни является сельскохозяйственная, т. е. земледельческая, эксплуатация алаунского суглинка посредством вольного крестьянского труда. Это Русь *верхневолжская, удельно-княжеская, вольноземледельческая*.

С половины XV до второго десятилетия XVII в. главная масса русского населения из области верхней Волги растекается на юг и восток по донскому и средневолжскому чернозему, образуя особую ветвь народа — Великороссию, которая вместе с населением расширяется за пределы верхнего Поволжья. Но, расплываясь географически, великорусское племя впервые соединяется в одно политическое целое под властью московского государя, который правит своим государством с помощью боярской аристократии, образовавшейся из бывших удельных князей и

Б. Ольшанский. Помни имя свое

удельных бояр. Итак, господствующий политический факт периода — государственное объединение Великороссии. Господствующим фактом жизни экономической остается сельскохозяйственная разработка старого верхневолжского суглинка и новозаятого средневолжского и донского чернозема посредством вольного крестьянского труда; но его воля начинает уже стесняться по мере сосредоточения землевладения в руках служилого сословия, военного класса, вербуемого государством для внешней обороны. Это Русь *Великая, Московская, царско-боярская, военно-землеладельческая.*

С начала XVII до половины XIX в. русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Черного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала и даже проникает на юг и восток далеко за Кавказ, Каспий и Урал. Политически все почти части русской народности соединяются под одной властью: к Великороссии примыкают одна за другой Малороссия, Белороссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю. Но эта собирающая всероссийская власть действует уже с помощью не боярской аристократии, а военно-служилого класса, сформированного государством в предшествующий период, — дворянства. Это политическое собиране и объединение частей Русской земли и есть господствующий политический факт периода. Основным фактом экономической жизни остается земледельческий труд, окончательно ставший крепостным, к которому присоединяется обрабатывающая промышленность, фабричная и заводская. Это период *всероссийский, императорско-дворянский*, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского...

Государство и народность. Значение народа, как исторической личности, заключается в его историческом призвании, а это призвание народа выражается в том мирном положении, какое он создает себе своими усилиями, и в той идее, какую он стремится осуществить своею деятельностью в этом положении. Свою роль на мировой сцене он выполняет теми силами, какие успел развить в себе своим историческим воспитанием. Идеал исторического воспитания народа состоит в полном и стройном развитии всех элементов общежития и в таком их соотношении, при котором каждый элемент развивается и действует в меру своего нормального значения в общественном составе, не принижая себя и не угнетая других. Только историческим изучением проверяется ход этого воспитания. История народа, научно воспроизведенная, становится приходо-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого. Прямое дело ближайшего будущего — сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить равновесие народных задач и средств. Здесь историческое изучение своими конечными выводами подходит вплоть к практическим потребностям текущей минуты, требующей от каждого из нас, от каждого русского человека отчетливого понимания накопленных народом средств и допущенных или вынужденных недостатков своего исторического воспитания. Нам, русским, понимать это нужнее, чем кому-либо.

Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со вре-

мени падения Римской империи. Но народ, создавший это государство, по своим духовным и материальным средствам еще не стоит в первом ряду среди других европейских народов. По неблагоприятным историческим условиям его внутренний рост не шел в уровень с его международным положением, даже по временам задерживался этим положением. Мы еще не начинали жить в полную меру своих народных сил, чувствуемых, но еще не вполне развернувшихся, не можем соперничать с другими ни в научной, ни в общественно-политической, ни во многих других областях. Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств — это плоды многовекового труда наших предков, результаты того, что они успели сделать...

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РУССКОЙ ИСТОРИИ

Я веду этот период с древнейших времен до конца XII или до начала XIII в. Не могу точнее обозначить его конечного предела. Никакое поворотное событие не отделяет резко этого периода от последующего. Нашествие монголов нельзя признать таким раздельным событием: монголы застали Русь на походе, во время передвижки, которую ускорили, но которой не вызвали; новый склад жизни завязался до них.

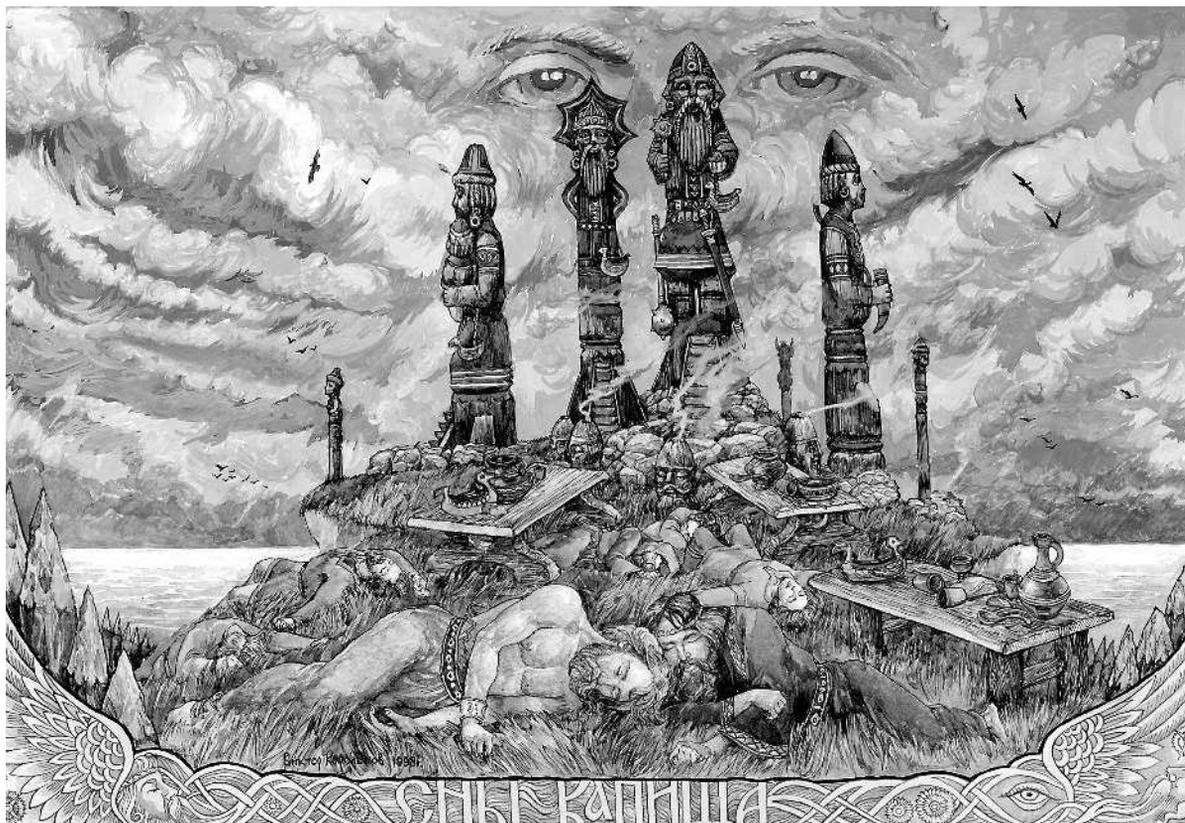
Около половины XI в. территория, на которой сосредоточивалась масса русского населения, тянулась длинной и довольно узкой полосой по среднему и верхнему Днепру с его притоками и далее на север через водораздел до устьев Волхова. Эта территория политически раздроблена на области, «волости», в каждой из которых политическим средоточием служил большой торговый город, первый устроитель и руководитель политического быта своей области. Эти города мы будем называть *волостными*, а руководимые ими области *городовыми*. Вместе с тем эти же волостные города служили средоточиями и руководителями и экономического движения, направлявшего хозяйственный быт тогдашней Руси, внешней торговли. Все другие явления этого времени, учреждения, социальные отношения, нравы, успехи знания и искусства, даже нравственно-религиозной жизни, были прямыми или отдаленными последствиями совокупного действия двух указанных факторов, волостного торгового города и внешней торговли. Первый и самый трудный вопрос, представляющийся при изучении этого периода, касается того, как и какими условиями создан был обозначенный склад политических и экономических отношений, когда появилось на указанной полосе славянское население и чем вызваны были к действию оба указанных фактора.

Два взгляда на ее начало. В нашей исторической литературе преобладают два различных взгляда на начало нашей истории. Один из них изложен в критическом исследовании о древнерусских летописях, составленном членом русской Академии наук

Каждому народу история задает двустороннюю культурную работу — над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями. Если нашему народу в продолжение веков пришлось упорно бороться с лесами и болотами своей страны, напрягая силы на черную подготовительную работу цивилизации, то нам предстоит, не теряя приобретенной в этой работе житейской выносливости, напряженно работать над самими собой, развивать свои умственные и нравственные силы, с особенной заботливостью устанавливать свои общественные отношения. Таким образом, изучение нашей истории может помочь нам уяснить задачи и направление предстоящей нам практической деятельности...

XVIII в., знаменитым ученым немцем Шлёцером на немецком языке и изданном в начале прошлого века. Вот основные черты Шлёцера взгляда, которого держались Карамзин, Погодин, Соловьев. До половины IX в., т. е. до прихода варягов, на обширном пространстве нашей равнины, от Новгорода до Киева по Днепру направо и налево, все было дико и пусто, покрыто мраком: жили здесь люди, но без правления, подобно зверям и птицам, наполнявшим их леса. В эту обширную пустыню, заселенную бедными, разбросанно жившими дикарями, славянами и финнами, начатки гражданства впервые были занесены пришельцами из Скандинавии, варягами, около половины IX в. Известная картина нравов восточных славян, как ее нарисовал составитель Повести о начале Русской земли, по-видимому, оправдывала этот взгляд. Здесь читаем, что восточные славяне до принятия христианства жили «зверинским образом, скотски» в лесах, как все звери, убивали друг друга, ели все нечистое, жили уединенными, разбросанными и враждебными один другому родами: «живяху кождо с своим родом и на своих местах, владеюще кождо родом своим». Итак, нашу историю следует начинать не раньше половины IX в. изображением тех первичных исторических процессов, которыми везде начиналось человеческое общежитие, картиной выхода из дикого состояния.

Другой взгляд на начало нашей истории прямо противоположен первому. Он начал распространяться в нашей литературе несколько позднее первого, писателями XIX в. Наиболее полное выражение его можно найти в сочинениях профессора Московского университета Беляева и г. Забелина, в I томе его «Истории русской жизни с древнейших времен». Вот основные черты их взгляда. Восточные славяне искони обитали там, где знает их наша Начальная летопись; здесь, в пределах Русской равнины, они поселились, может быть, еще за несколько веков до Р. X. Обозначив так свою исходную точку, ученые этого направления изображают долгий и сложный исторический процесс, которым из первобытных

В. Корольков. Сны капища

мелких родовых союзов вырастали у восточных славян целые племена, среди племен возникали города, из среды этих городов поднимались главные, или старшие, города, составлявшие с младшими городами или пригородами племенные политические союзы полян, древлян, северян и других племен, и, наконец, главные города разных племен приблизительно около эпохи призвания князей начали соединяться в один общерусский союз. При схематической ясности и последовательности эта теория несколько затрудняет изучающего тем, что такой сложный исторический процесс развивается ею вне времени и исторических условий: не видно, к какому хронологическому пункту можно было бы приурочить начало и дальнейшие моменты этого процесса, и как, в какой исторической обстановке он развивался. Следуя этому взгляду, мы должны начинать нашу историю задолго до Р. Х., едва ли не со времен Геродота, во всяком случае, за много веков до призвания князей, ибо уже до их прихода у восточных славян успел установиться довольно сложный и выработанный общественный строй, отлившийся в твердые политические формы.

Войдем в разбор уцелевших известий и преданий о наших славянах и тогда получим возможность оценить оба сейчас изложенных взгляда.

Дославянское заселение южной России. Что разуметь под началом истории какого-либо народа? С чего начинать его историю? Древние греческие и римские писатели сообщают нам о южной степной России ряд известий, неодинаково достоверных, полученных ими через посредство греческих колоний по северным берегам Черного моря от купцов или по личным наблюдениям. До нашей эры разные кочевые народы, приходившие из Азии, господствовали здесь один за другим, некогда киммериане, потом при Геродоте скифы, позднее, во времена римского владычества, сарматы. Около начала нашей эры смена пришельцев учащается, номенклатура варваров в древней Скифии становится сложнее, запутаннее. Сарматов сменили или из них выделились геты, языги, роксаланы, аланы, бастарны, даки. Эти народы толпятся к нижнему Дунаю, к северным пределам империи, иногда вторгаются в ее области, скучиваются в разноплеменные рассыпчатые громады, образуют между Днестром и Дунаем обширные, но скоропреходящие владения, каковы были перед Р. Х. царства гетов, потом даков и роксалан, которым римляне даже принуждены были платить дань или откуп. Видно, что подготовлялось великое переселение народов. Южная Россия служила для этих азиатских проходцев временной стоянкой, на которой они го-

М. Кудрявцев. Северная Скифия. IV век до Р. Х.

товились сыграть ту или другую европейскую роль, пробравшись к нижнему Дунаю или перевалив за Карпаты.

Эти народы, цепью прошедшие на протяжении веков по южно-русским степям, оставили здесь после себя бесчисленные курганы, которыми усеяны обширные пространства между Днестром и Кубанью. Над этими могильными насыпями усердно и успешно работает археология и открывает в них любопытные исторические указания, пополняющие и проясняющие древних греческих писателей, писавших о нашей стране. Некоторые народы, подолгу заживавшиеся в припонтийских степях, например скифы, входили через здешние колонии в довольно тесное соприкосновение с античной культурой. Вблизи греческих колоний появлялось смешанное эллиноскифское население. Скифские цари строили дворцы в греческих городах, скифская знать ездила в самую Грецию учиться; в скифских курганах находят вещи высокохудожественной работы греческих мастеров, служившие обстановкой скифских жилищ.

Его значение. Все эти данные имеют большую общеисторическую цену; но они относятся больше к истории нашей страны, чем к истории нашего народа. Наука пока не в состоянии уловить прямой исторической связи этих азиатских посетителей южной Руси с славянским населением, позднее здесь появляющимся, как и влияния их художественных заимствований и культурных успехов на быт полян, северян и проч. Присутствия славян среди этих древних народов незаметно. И сами эти народы остаются этнографически загадками. Историческая этнография, изучая происхождение всех этих народов, пыталась выяснить, какие из них принадлежали к кельтскому и какие к германскому или славянскому племени. В такой постановке вопроса есть, кажется, некоторое методологическое недоразумение. Эти племенные группы, на которые мы теперь делим европейское население, не суть какое-либо первобытное извечное деление человечества: они сложились исторически и обособились в свое время каждая. Искать их в скифской древности — значит приурочивать древние племена к позд-

нейшей этнографической классификации. Если эти племена имели общую генетическую связь с позднейшим населением Европы, то отдельным европейским народам трудно найти среди них своих прямых специальных предков и с них начинать свою историю.

Начальные факты в истории народа. Начало истории народа должно обозначаться какими-либо более явственными, уловимыми признаками. Их надобно искать прежде всего в памяти самого народа. Первое, что запомнил о себе народ, и должно указывать путь к началу его истории. Такое воспоминание не бывает случайным, беспричинным. Народ есть население, не только совместно живущее, но и совокупно действующее, имеющее общий язык и общие судьбы. Потому в народной памяти обыкновенно надолго удерживаются события, которые впервые коснулись всего народа, в которых весь он принял участие и через это совокупное участие впервые почувствовал себя единым целым. Но такие события обыкновенно не проходят бесследно не только для народной памяти, но и для народной жизни: они выводят составные части народа из разрозненного состояния, соединяют его силы для какой-либо общей цели и закрепляют это соединение какой-либо связующей, для всех обязательной формой общежития. Таковы, по моему мнению, два тесно связанных между собою признака, обозначающих начало истории народа: самое раннее воспоминание его о самом себе и самая ранняя общественная форма, объединившая его в каком-либо совокупном действии. Найдем ли такие признаки в истории нашего народа?

Расселение славян с Дуная. Составитель Начальной летописи не поможет нам в этом искании. У него другая точка зрения: он панславист; исходя из своей идеи первобытного единства славянства, он прежде всего старается связать ранние судьбы родной Руси с общей историей славян. Начальная летопись не помнит времени прихода славян из Азии в Европу. В ученом этнографическом очерке, поставленном во главе Повести временных лет, она застает славян уже на Дунае. Из этой придунайской страны, которую она называет землей Венгерской и Болгарской, славяне расселились в разные стороны. Оттуда же вышли и те славяне, которые поселились по Днепру, его притокам и далее к северу. Летопись рассказывает, что, когда *волхи* напали на славян дунайских, сели среди них и начали их угнетать, одни славяне ушли и сели по Висле, прозвавшись ляхами, другие пришли на Днепр и прозвались полянами, а поселившиеся в лесах — древлянами и т. д. Волхи, или волохи, — это, по мнению исследователей, римляне. Речь идет о разрушении императором Траяном царства даков, которым его предшественник Домициан принужден был платить дань. Это указание на присутствие славян в составе Дакийского царства и о передвижении части их с Дуная на северо-восток от римского нашествия в начале II в. по Р. Х. — одно из самых ранних исторических воспоминаний сла-

И. Билибин. Сокол

вянства и отмечено, если не ошибаюсь, только нашей летописью; трудно лишь догадаться, из какого источника оно заимствовано. Но его нельзя принять за начало нашей истории: оно касалось не одних восточных славян и притом говорит о разброде славянства, а не о сформировании среди него какого-либо союза.

Известие Иорнанда. Наша летопись не помнит явственно, чтобы восточные славяне где-либо надолго останавливались по пути с Дуная к Днепру; но, сопоставляя ее смутные воспоминания с иноземными известиями, узнаем о такой промежуточной остановке. В III в. по Р. Х. наша страна подверглась новому нашествию, но с необычной стороны, не с востока, из Азии, а из Европы, с Балтийского моря: это были отважные мореходы готы, которые по рекам нашей равнины проникали в Черное море и громили Восточную империю. В IV в. их вождь Германарих завоеваниями образовал из обитателей нашей страны обширное царство. Это было первое исторически известное государство, основанное европейским народом в пределах нынешней России. В состав его входили различные племена восточной Европы, в названиях которых можно распознать эстов, мерю, мордву — будущих соседей восточных славян. Были покорены Германарихом и венеты, или вене-

Б. Ольшанский. У небесного причала

ды, как называли западные латинские писатели славян с начала н. э.

Историк готов Иорнанд, который сообщает эти известия о царстве Германариха, не указывает, где тогда жили эти венеты, собственное имя которых в византийских известиях появляется с конца V в. Зато этот латинский писатель VI в., хорошо знакомый с миром задунайских варваров и сам варвар по происхождению, родом из Мизии, с нижнего Дуная, обстоятельно очерчивает современное ему географическое размещение славян. Описывая Скифию своего времени, он говорит, что по северным склонам высоких гор от истоков Вислы на обширных пространствах сидит многолюдный народ венетов. Хотя теперь, продолжает Иорнанд, они зовутся различными именами по разности родов и мест поселения, но главные их названия — *скламены* и *анты*. Первые обитают на север до Вислы, а на восток *до Днестра*; леса и болота заменяют им города. Вторые, самые сильные из венетов, простираются по изогнутому побережью Черного моря от Днестра до Днепра.

Значит, славяне, собственно, занимали тогда Карпатский край. Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны. Эти карпатские славяне с конца V в., когда греки стали знать их под их собст-

венным именем, и в продолжение всего VI в. громили Восточную империю, переходя за Дунай: не даром тот же Иорнанд с грустью замечает, что славяне, во времена Германариха столь ничтожные как ратники и сильные только численностью, «ныне по грехам нашим свирепствуют всюду». Следствием этих усиленных вторжений, начало которых относят еще к III в., и было постепенное заселение Балканского полуострова славянами. Итак, прежде чем восточные славяне с Дуная попали на Днепр, они долго оставались на карпатских склонах; здесь была промежуточная их стоянка.

Военный союз славян на Карпатах в VI в. Продолжительный вооруженный напор карпатских славян на империю смыкал их в военные союзы. Карпатские славяне вторгались в пределы Восточной империи не целыми племенами, как германцы наводняли провинции Западной империи, а вооруженными ватагами или дружинами, выделявшимися из разных племен. Эти дружины и служили боевой связью отдельных разобщенных племен. Находим следы такого союза, в состав которого входили именно восточные славяне. Повесть временных лет по всем признакам составлена в Киеве: составитель ее с особенным сочувствием относится к киевским полянам,

Б. Олыанский. Славянские видения

отличая их «кроткий и тихий обычай» от зверинских нравов всех других восточных славянских племен, да и знает о них больше, чем о других племенах. Она ничего не говорит ни о готах Германариха, ни о гуннах, вскоре после него затопивших его царство. Но она помнит ряд более поздних вражеских нашествий, испытанных славянами, говорит о болгаргах, обрах, хозарах, печенегах, уграх. Однако до хозар она ничего не запомнила о своих любимых полянах, кроме предания об основании Киева. Народные потоки, пронесшиеся по южной России и часто дававшие больно чувствовать себя восточным славянам, как будто ничем не задевали восточного славянского племени, ближе всех к ним стоявшего, полян. В памяти киевского повествователя XI в. уцелело от тех далеких времен предание только об одном восточном славянском племени, но таком, которое жило далеко от Киева и в XI в. не принимало видного участия в ходе событий. Повесть рассказывает о нашествии аваров на дулебов (в VI—VII вв.):

«Те же обры воевали со славянами и покорили дулебов, тоже славян, и притесняли женщин дулебских: собираясь ехать, обрин не давал запрягать ни коня, ни вола, а приказывал заложить в телегу 3, 4, 5 женщин, и они везли его; так мучили они дулебов. Были обры телом велики, а умом горды, и истребили

их Бог, перемерли все, не осталось ни единого обрина, и есть поговорка на Руси до сего дня: *погибоша аки обре*».

Вероятно, благодаря этой исторической поговорке и попало в Повесть предание об обрах, которое носит на себе черты былины, исторической песни, составляющей, может быть, отдаленный отголосок целого цикла славянских песен об аварах, сложившегося на карпатских склонах. Но где были во время этого нашествия поляне и почему одним дулебам пришлось так страдать от обров? Неожиданно с другой стороны идет к нам ответ на этот вопрос. В сороковых годах X в., лет за сто до составления Повести временных лет, писал о восточных славянах араб Масуди в своем географическом сочинении *Золотые луга*. Здесь он рассказывает, что одно из славянских племен, коренное между ними, некогда господствовало над прочими, верховный царь был у него, и этому царю повиновались все прочие цари; но потом пошли раздоры между их племенами, союз их разрушился, они разделились на отдельные колена, и каждое племя выбрало себе отдельного царя. Это господствовавшее некогда славянское племя Масуди называет *валинана* (вольняне), а из нашей Повести мы знаем, что вольняне — те же дулебы и жили по Западному Бугу. Можно догадываться, почему киевское предание запомни-

ло одних дулебов из времен аварского нашествия. Тогда дулебы господствовали над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем, как впоследствии все восточные славяне стали зваться *Русью* по имени главной области в Русской земле, ибо Русью первоначально называлась только Киевская область. Во время аварского нашествия еще не было ни полян, ни самого Киева, и масса восточного славянства сосредоточивалась западнее, на склонах и предгорьях Карпат, в краю обширного водораздела, откуда идут в разные стороны Днестр, оба Буга, притоки верхней Припяти и верхней Вислы.

Итак, мы застаем у восточных славян на Карпатах в VI в. большой военный союз под предводительством князя дулебов. Продолжительная борьба с Византией завязала этот союз, сомкнула восточное славянство в нечто целое. На Руси во времена Игоря еще хорошо помнили об этой первой попытке восточных славян сплотиться, соединить свои силы для общего дела, так что арабский географ того времени успел записать довольно полное известие об этом. Сто лет спустя, во времена Ярослава I, русский повествователь отметил только поэтический обрывок этого исторического воспоминания. Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она, повторю, началась в VI в. на самом краю, в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат.

Расселение по Русской равнине. Отсюда, с этих склонов восточные славяне в VII в. постепенно расселялись по равнине. Это расселение можно признать вторым начальным фактом нашей истории. И этот факт оставил некоторые следы в нашей Повести, также значительно проясняющиеся при сопоставлении их с иноземными известиями.

Византийские писатели VI и начала VII в. застают задунайских славян в состоянии необычного движения. Император Маврикий (582—602), долго борющийся с этими славянами, пишет, что они живут точно разбойники, всегда готовые подняться с места, поселками, разбросанными по лесам и по берегам многочисленных рек их страны. Прокопий, писавший несколько ранее, замечает, что славяне живут в плохих хижинах, разбросанных поодиночке, на далеком одна от другой расстоянии, и постоянно переселяются. Причина этой подвижности открывается из ее следствий. Византийцы говорят о вторжениях задунайских славян в пределы империи во второй четверти VII в.; приблизительно с этого времени одновременно прекращаются и эти вторжения, и византийские известия о задунайских славянах: последние исчезают куда-то и снова появляются в византийских сказаниях уже в IX в., когда они опять начинают нападать на Византию с другой стороны, морским путем, и под новым именем Руси. О судьбе восточных славян в этот длинный промежуток VII—IX вв. находим у византийцев мало надежных известий. Прекращение славянских набегов на империю было следствием отлива славян с Карпат, начавшегося или уси-

лившегося со второй четверти VII в. Этот отлив совпадает по времени с аварским нашествием на восточных славян, в котором можно видеть его причину.

Его признаки. Наша Повесть временных лет не говорит ни о пятивековой карпатской стоянке славян, ни об этой вторичной их передвижке оттуда в разные стороны; но она отмечает некоторые отдельные ее признаки и следствия. В очерке расселения славян с Дуная она отчетливо отличает западных славян, мораву, чехов, ляхов, поморян, от восточных — хорватов, сербов и хорутан. Славян, расселившихся по Днепру и другим рекам нашей равнины, она ведет от восточной ветви, а местопребыванием племен, ее составлявших, где потом знают византийские писатели этих хорватов и сербов, была страна Карпат, нынешняя Галиция с областью верхней Вислы. Хорватов здесь знает и наша Начальная летопись даже в X в.: они участвуют в походе Олега на греков 907 г., с ними воюет Владимир в 992 г.

Не помня ясно о приходе днепровских славян с Карпат, летопись, однако, запомнила один из последних моментов этого расселения. Размещая восточно-славянские племена по Днепру и его притокам, она рассказывает, что были в ляхах два брата, Радим и Вятко, которые пришли со своими родами и сели — Радим на Соже, а Вятко на Оке; от них и пошли радимичи и вятичи. Поселение этих племен за Днепром дает некоторое основание думать, что их приход был одним из поздних приливов славянской колонизации: новые пришельцы уже не нашли себе места на правой стороне Днепра и должны были продвигаться далее на восток, за Днепр. С этой стороны вятичи очутились самым крайним племенем русских славян. Но почему эти племена летопись выводит «от ляхов»? Это значит, что они пришли из прикарпатской стороны: область указанного водораздела, Червонная Русь, древняя страна хорватов в XI в., когда написана рассказывающая об этом Повесть временных лет, считалась уже ляхской страной и была предметом борьбы Руси с Польшей.

Его время. Так, сопоставляя смутные воспоминания этой Повести с иноземными известиями, не без усилий и не без участия предположений получаем некоторую возможность представить себе, как подготавливались оба начальных факта нашей истории. Приблизительно ко II в. по Р. Х. народные потоки прибили славян к среднему и нижнему Дунаю. Прежде они терялись в разноплеменном населении Даккского царства и только около этого времени начали выделяться из сарматской массы, обособляться в глазах иноземцев, как и в собственных воспоминаниях. Тацит еще недоумевает, кому сроднее венеды: германцам или кочевникам-сарматам, и Иорнанд припоминает, что Никополь на Дунае основан Траяном после победы над сарматами. Но наша летопись помнит, что от волохов, т. е. от римлян Траяна, тяжело пришлось славянам, которые вынуждены были покинуть свои дунайские жилища.

В. Корольков. Боголесье

Но восточные славяне, принесшие на Днепр это воспоминание, пришли сюда не прямо с Дуная, совершив непрерывную перекочевку: это была медленная передвижка с остановкой в Карпатах, длившейся со II до VII в. Авары дали толчок дальнейшему движению карпатских славян в разные стороны. В V и VI вв. в Средней и Восточной Европе очистилось много мест, покинутых германскими племенами, которых гуннское нашествие двинуло на юг и запад в римские провинции. Аварское нашествие оказало подобное же действие на славянские племена, двинув их на опустелые места. Рассказ Константина

Багрянородного о призыве сербов и хорватов на Балканский полуостров императором Ираклием в VII в. для борьбы с аварами заподозрен исторической критикой и наполнен сомнительными подробностями; но в основе его, кажется, лежит нечто действительное. Во всяком случае VII в. был временем, когда в той или другой связи с аварским движением возник ряд славянских государств (Чешское, Хорватское, Болгарское). В этот же век по местам, где прежде господствовали готы, стали расселяться восточные славяне, как в стране, где прежде сидели вандалы и бургунды, тогда же расселялись ляхи.